

безсмертны не отдѣльныя личности, а человечество, сознавшее себя „сыномъ Божиимъ“,—оно восторжествуетъ надъ всѣми и будетъ возстановлено въ Богѣ.

Дальше Толстой замѣчаетъ: „вѣрованіе въ будущую личную жизнь есть очень низменное и грубое представленіе, свойственное всѣмъ дикимъ народамъ... и вошедшее со стороны въ церковное ученіе“. „Можетъ быть ученіе о вѣчной личной жизни и справедливѣе, замѣчаетъ, противорѣча себѣ, Толстой, но это представленіе, навѣски закрѣпляющее личность, не соотвѣтствуетъ ученію Христа, учившаго объ отреченіи отъ личной жизни и перенесеніи ея въ жизнь „сына человеческого“. Наконецъ вотъ строки, дающія ключъ ко всему этому толкованію: „въ томъ, что моя личная жизнь погибаетъ, а жизнь всего міра по волѣ Отца не погибаетъ и что одно только сліянiе съ ней даетъ мнѣ возможность спасенiя, въ этомъ я уже не могу усомниться. Но это такъ мало въ сравненіи съ возвышенными религіозными вѣрованіями въ личную будущую жизнь! *Хоть мало, но вѣрно*“¹⁾.

Уже изъ этихъ немногихъ словъ ясно, что то, что мы узнали о безсмертіи, есть не ученіе Христа, а собственное ученіе Толстого— „хоть малое, но вѣрное“. Толстой, какъ видимъ, составилъ себѣ свое особое представленіе о сущности безсмертія и согласно своему общему стремленію передѣлывать ученіе Христа такъ, какъ это ему нужно, онъ допускаетъ произвольное толкованіе словъ Спасителя и вводитъ понятіе безсмертія сына человеческого, которое впрочемъ вводится имъ мимоходомъ, нигдѣ имъ не разработано—и въ дальнѣйшемъ развитіи религіозной системы Толстого не сыграло никакой роли (особенно см. его позднѣйшій трактатъ „Христіанское ученіе“). Понятіе это было введено Толстымъ лишь для того, чтобы спасти свое отрицаніе личнаго безсмертія и воскресенія плоти, чтобы отстоять свое толкованіе ученія Спасителя о вѣчной жизни,—и это и показываетъ намъ, что Толстой въ своей религіозной системѣ опирался исключительно на собственный религіозный опытъ, а изъ Евангелія бралъ то, что соотвѣтствовало этому опыту. Не безпристрастное изслѣдованіе и изученіе Евангелія

¹⁾ Изложеніе наше представляетъ или точное воспроизведеніе или самую близкую перефразировку словъ Толстого изъ трактата „Въ чемъ моя вѣра“, 3-е изд. Посредника, стр. 105—118.